

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7110>

Дата подачи статьи: 15 июля 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

МОТИВ ВОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Елена Янчук

Варшавский университет, Варшава, Польша

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

e-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Аннотация: В настоящей статье представлен системный анализ мотива воды в творчестве Марины Цветаевой. Исследовательской задачей является попытка проследить, каким образом конкретная и простая лексема «вода» участвует в смыслопорождающем поэтическом процессе, доказать особое значение этого мотива как важного признака творческого мышления, мирозерцания и творческой индивидуальности в целом. В статье на обширном материале (около 630 примеров), взятом из поэтических и прозаических текстов, рассматриваются основные значения мотива воды и их функциональные особенности в индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой. Вода, не утрачивая природной конкретности, становится одним из важных инструментов метафоризации процессов и явлений не только физического, но и духовного мира поэта.

Ключевые слова: русская поэзия, мотив, вода, Марина Цветаева, метафоризация

Submitted on July 15, 2021
Accepted on August 20, 2021

THE MOTIF OF WATER IN THE WORKS OF MARINA TSVETAeva

Elena Janczuk

Warsaw University, Warsaw, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

e-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Abstract: This article is devoted to the analysis of the motif of water in the works of Marina Tsvetaeva. The main goal is to trace how the concrete and simple lexeme “water” participates in the meaning-generating poetic process, and to prove the special significance of this motif as an important sign of her creative thinking, worldview and creative personality in general. The article uses extensive material (about 630 examples) taken from poetic and prose texts to consider the main meanings of the motif of water and its functional features in the individual author’s viewpoint. Water, without losing its natural concreteness, becomes one of the important tools for metaphorizing the processes and phenomena of not only the physical, but also the spiritual world of the poet.

Keywords: Russian poetry, motif, water, Marina Tsvetaeva, metaphorization

Как отмечает Валентина Маслова, поэтический текст представляет собой уникальный и совершенный способ познания мира, часто не поддающийся верификации научным путем, значение же категоризованного опыта поэта «бесценно и для науки (философии, истории, лингвистики и др.), и для культуры» [Маслова 2004, 31–32]. Марина Цветаева в своем стремлении «знать все до точности» [СС5, 284] осуществляет концептуализацию мира, привнося в представления о нем свои индивидуальные знания и смыслы. В этом отношении интересны как сложные семантические построения, так и простые понятия, как в данном случае «вода». Для поэта не было неважных вещей, она была уверена: «Все, что во мне „нового” – было всегда, будет всегда. – Это все очень простые вещи, но они и здесь и там одинаково не понимаются» [СС7, 244].

Мотив воды в творчестве поэта, в отличие от близких в семантическом отношении понятий моря, океана, волны, реки, потока, капли, влаги и т. п.,

насколько мне известно, не был предметом отдельного анализа [Ср. Ревзина 2009а; 2009б; 2009в; Лаврова 1994; Дворяшина, Галицкая 2014 и др.]¹. А вода, являясь неотъемлемым фактом окружающей действительности, становится для поэта импульсом для создания самых разных коннотаций, связей, ассоциаций. Перефразируя Цветаеву, можно утверждать, что «все можно понять через воду [у Цветаевой – через природу – Е.Я.], всего человека» [СС6, 244]. Целью статьи является анализ семантики лексемы «вода» и ее функциональных особенностей в индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой. Исходное положение, которое будет доказываться, состоит в том, что данная лексема, становясь сквозным мотивом творчества поэта, приобретает «повышенную значимость (семантическую насыщенность)» [Хализев 2007, 280].

Стоит отметить, что воду относят к ключевым универсальным категориям культуры, принадлежащим сознанию всего человечества, поскольку данное понятие

пронизывает любые эпохи, любые понятийные человеческие структуры: культурные, социальные, личностные. Вода стоит у истоков мира, она – изначальная данность, и она же «перетекает» во времени из культуры в культуру, осмысливаясь как в заданной системе координат, так и в новых образах, порожденных отдельной культурой и новой эпохой [Вардзелашвили 2009, 39].

В русском сознании также важное место отводится воде, хотя, как утверждает Ксения Кушнир, «данная стихия с давних времен остается (...) одной из самых неисследованных» [Кушнир 2019, 276]. Вода воспринимается как одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. Водное пространство осмысливается как граница между земным и загробным мирами, вода ассоциируется с первобытным хаосом, когда была лишь тьма и вода. Вода обладает символическими свойствами, связанными с ее естественными особенностями – прозрачностью, свежестью, быстрым течением, способностью очищать, а также с представлениями о ней как о «чужом» пространстве, входе в потусторонний мир [*Славянская мифология...* 2002, 80].

Стоит подчеркнуть, что отношение к воде у Цветаевой отличается неоднозначностью и изменчивостью, хотя в раннем творчестве она неоднократно соотносила свое имя, мечты и даже душу с водной стихией: «Морские они, морские!» – писала в недатированном еще стихотворении *Душа и имя* [СС1, 149].

¹ По мнению Маргариты Жадлун, «несмотря на большое число работ по изучению идиостиля М. Цветаевой, концепт «вода» изучен недостаточно» [Жадлун 2014, 223].

В 1920 г. написала одно из знаковых произведений, в котором самоидентификация изменила характер – ассоциация возникает с волной или пеной: «Мне дело – измена, мне имя – Марина,/ Я – бренная пена морская» [СС1, 534], в другом стихотворении этого же года подчеркивала: «Я, выношенная во чреве/ Не материнском, а морском!», а также заявила: «Беседуя с пучиной водной,/ Ты все ж беседуешь со мной» [СС1, 545]. В 30-е гг. Цветаева уже убеждена: «во мне ничего от воды и от водоросли – но моя сушь – огонь» [НСТ, 488], она испытывала ужас перед водой, в письме Раисе Ломоносовой (1930) признавалась: «Моя уверенность, т.е. уверенность моего страха (ВОДЫ), вызвала бы крушение» [СС7, 316], утверждала, что вода «не моя стихия» [СС6, 425], «страшная для меня стихия», «я мало люблю – воду» [СС6, 429], а в 1939 г. писала о «враждебности, *исконной* отвратительности воды» [СС4, 610].

Противоречивые оценки воды, данные поэтом в разные годы и в разных контекстах, встраиваются в общую оценочную тенденцию: «человек с глубокой древности испытывал к ней два чувства: благодарность (как источнику жизни) и страх (к явлению огромной разрушительной силы)» [Туралина 2012, 90]. Надо помнить, что Цветаева моделировала психический мир в символах физического [Ревзина 2009б, 299], подчеркивала: «Воды, ветры, горы, деревья даны нам, чтоб понять человеческую душу, сокрытую глубоко-глубоко» [СС5, 497].

Итак, вода – достаточно частотная в идиолекте Цветаевой полисемантическая лексема, которая используется в основных словарных значениях, а также в ряде индивидуальных-авторских. В ходе исследования было рассмотрено около 630 примеров², взятых из поэтических и прозаических текстов. Лексема «вода» использована поэтом в основных словарных значениях:

1. «потоки, струи, волны, водная масса» («вода в природе»);
2. «водная поверхность, ее уровень»;
3. «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в пищу»;
4. «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в быту»;
5. «география» водного пространства.

В индивидуальной картине мира Цветаевой имеют место еще шесть окказиональных значений, соотносимых с данной лексемой:

² Нина Дворяшина и Юлия Галицкая приводят следующие статистические данные о близких лексемах: «море (морской) – встречается более 240 раз, океан (океанский) – более 30, река (речка, реченька, речной) – более 100, ручьи (и однокоренные с ним) более 40 раз» [Дворяшина, Галицкая 2014, 41].

6. вода как символ, подтверждающий веру в ее мистическую/сакральную силу;
7. вода как знак беды, гибели;
8. вода как метафора жизни;
9. вода как метафора чувств;
10. вода как метафора творчества;
11. вода как характеристика человека.

1. Первое из значений «потоки, струи, волны, водная масса» представляет традиционный взгляд на воду как на жидкую субстанцию, которая не имеет собственного формообразующего контура и сохраняет однородность при любом членении [Ревзина 2009а, 303]. С водой связан целый ряд действий: в нее входят, купаются, кричат, бросаются, бросают, прыгают, даже в нее что-то стряхивают (паучка) [СС3, 253] и т.п.: «Сумерки. Медленно в воду вошла/ Девочка цвета луны» [СС1, 54]; «вопили (...) из воды» [СС7, 719]; вода принимает утопших и успокаивается: «Когда ж в пруду она исчезла/ И успокоилась вода» [СС1, 24]; появляется образ утопленницы, плывущей по воде: «Вода волнуется, приняв/ Живое – за бывшее» [СС1, 201]; в воду можно бросать: «Ублюдка?! В мешок – и в воду!» [СС3, 451]; к мотиву утопления Цветаева возвращается и в середине 20-х гг.: «камнем в реку/ Нас-то – сколько/ За четыре века!» [СС2, 228]. Даже ветви, которые «в воду клонятся», соотносятся с «наполнителями» водного пространства – «водорослями и ржавчинами» [СС2, 134]; вода шумит «над моей рабою/ Молодою» [СС1, 349]; принимает кольца (обручает) [СС6, 123]; оставляет след: «По вольному следу/ Воды родниковой» [СС1, 41]; закон загоняет «воды/ в берега» [СС1, 370], «вода подступает к окнам» [СС2, 355] и даже просачивается в могилы: «Сквозь скважины, говорят,/ Вода просачивается» [СС2, 234]. Одним из повторяющихся мотивов, связанных с водой, является мотив кольца, брошенного в воду. Он появляется в 1914 г., Цветаева пишет о матери, которая в память о Людовике Баварском роняет кольцо в озеро: «вода принимает его – обручение с умершим королем» [СС6, 123], затем повторяется в 1916 [СС1, 251-252], в 1919 [СС3, 416] и даже в 1936 гг. [СС7, 503].

Вода различается по происхождению: родниковая [СС1, 41]; морская: «Соленая вода! (...) Предмет для ревности весьма обширный» [СС3, 564]; весенняя: «Прошуми весеннюю водою» [СС1, 349]; дождевая (1935): «Дождь! дождевой воды бадья» [СС2, 325]. Вода имеет особые свойства, так, речная вода хтонична (1928): «Что за река ведьмиста?! Что за вода пениста?», здесь же подчеркивается: «У ней состав такой уж:/ Обмочишь – не отмоешь» [СС3, 732]. Вода может быть быстрой (1927): «Лес, лес-зеленец!/ Быстрая

водица!» [СС3, 635]; грязной и холодной [СС7, 116] или чистой и целительной: «Исцели любовный дар/ Чистой водою» [СС3, 416], и даже огнистой: «Вот так вода огниста!» [СС3, 733]; она может измеряться: «выше щиколки» [СС7, 504]. Избыточность воды дискредитирует место, так, о Савоие Цветаева пишет: «Леса *сырые*, не тропинки, а ручьи, не дороги – потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор» [СС6, 387].

2. Второе значение, тесно связанное с первым, акцентирует поверхность воды. Оно связано, прежде всего, с мотивом отражения, так, в воде отражаются персонажи, например, Ева, которая впервые видит «свое отражение в воде. – Это самое белое, самое золотое, самое и т. д. что здесь есть» [НЗК1, 176-177]; в воде находят отражение небесные тела – Луна: «И месяц меж стеблей травы/ Мелькнул в воде, как круг эмали...» [СС1, 22], или Юпитер: «смотрели на красный столб встающего Юпитера в воде» [СС4, 151], а также фрагменты земной поверхности: «Доли в воды смотрятся./ Горы – в небеса» [СС2, 348].

От поверхности воды исходят звуки, нарушающие присущее воде символическое безмолвие (1920): «что за/ Звон с воды встает за чудный» [СС3, 200]; на водах встает парус: «Что там за Царь-Парус/ Встает на водах-то?» [СС3, 232]; исходит пар: «То не ладан-пар/ От воды встает», или лучи: «Что за сноп/ Из воды, за лучи-за-стрелы»; на поверхности воды могут появляться круги (1923): «Круги на воде./ Ушам и очам –/ Камень» [СС2, 220]; с мотивом смерти соотносится уход крыс под воду в *Крысолове*: «Но крыс тех уже –/ Никто и нигде./ Круги на воде» [СС3, 85]. По поверхности воды ходят (1928): «А по воде навстречу/ Солдат идет с крыльями» [СС3, 731], или плавают: «Обо мне, плывучем острове/ (Понебу – не по водам!)» [СС2, 242].

Поверхность воды проявляет различные свойства, в частности, обладает цветом: прозрачно-синяя [СС1, 43]; «Сизые воды» [СС1, 251]; подчеркивается ненатуральность цвета воды: «Синь-то водная – что синькой подсинёна!» [СС3, 237]; вода может быть «серебряной от мальчиков» [СС4, 98]; у Москвы-реки «Голубые, как небо, воды» [СС1, 352], а воды каналов Венеции «как слюда./ А по ночам – как черный шелк тяжелый» [СС3, 563]. В 20-е гг. поверхность воды «одомашнивается», что приобретает зловещий оттенок в контексте мотива утопления: «Вода – глаже простынь!» [1923, СС2, 230] (ср. в *Крысолове*: «В воду –/ Как в спальню» [СС3, 83]).

3. Третье значение – «прозрачная бесцветная жидкость, употребляемая в пищу». В раннем творчестве появляется дремлющая «в графине вода» [СС1, 155]; подчеркивается ее «пищевая бесполезность»: «– Что еда!/ Блюдо

вечно блюдо/ И вода всегда вода» [СС1, 117]. В революционный период появляется мотив голода и жажды: «2,5 суток – ни куска хлеба, ни глотка воды» [НЗК1, 178], рацион времен гражданской войны описывается как «овощи на воде и картофель» [НЗК1, 448]. Отсюда и частая рефлексия о жажде (и голоде), соотношение духовного и физического в человеке: «Жажда есть – голод на определенное (воду). – Сердце. – Голод есть желание всего. – Душа» [НЗК1, 307]. Неприхотливость в своих желаниях может служить характеристикой героини, как в пьесе *Феникс* (1919): «кроме корки/ Сухой, глотка воды да вот одной/ Такой улыбки...» [СС3, 546]; или героя: «Видно, воду пьешь да постное ешь?» [СС3, 239]. В качестве характеристики няни упоминается факт, что та поила ребенка сырой водой, «чтобы заболел» [СС4, 146]. Вода нужна для прочистки голоса: «Да чтоб голос был свеж,/ Дай воды напьюсь допрежь!» [СС3, 221]. Интенсивность жажды соотносится с чувствами, в частности, со страстью: «Стакан воды во время жажды жгучей:/ – Дай – или я умру!» [1920, СС1, 548]; или с тоской: «Два дня без тебя:/ Два дня без воды!» [1923, НСТ, 269]. Жажда приобретает метафизическое измерение, воспринимается как Божье испытание, за которым последует вознаграждение: «Сижу без света, и без хлеба,/ И без воды» [1920, СС1, 537]. В конце 20-х и сер. 30-х гг. вода и жажда уже не служат описанию страстных переживаний, а соотносятся, например, с говорением правды: «Что легче чем говорить правду? (мне) – Разве что – воду пить! Плохо лгу» [НСТ, 388], или с желанием человеческого участия: «живого жизненного жара хочется больше чем воды – когда ее хочется» [СС7, 611]. В конце 30-х гг. Цветаева, среди поучений детям, в качестве первого просит не лить воду зря «п.ч. в эту же секунду из-за отсутствия этой капли погибает в пустыне человек», а также «оттого что я не пролью этой воды, он этой воды не получит!», и «на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше» [СС7, 646].

4. Значение лексемы вода, т.е. «прозрачная бесцветная жидкость», включает еще одну функциональную особенность, связанную со сферой бытового использования воды, так, вода необходима для купания дочери (май 1914): «Сегодня я начала делать ей обтирания теплой морской водой» [НЗК1, 77], или (июнь 1914): «Ненавидит утренние обтирания комнатной водой» [НЗК1, 76]. Цветаевой приходится мыть картошку «в ледяной воде», справляться с отходами, со стиркой, мытьем посуды, «ходить за водой» [НЗК2, 9], сражаться с кухней, «залитой то солнцем, то луною – когда трубы лопнули – и водою» [СС4, 357]. В период эмиграции бытовые проблемы приобрели иной характер, Цветаева пишет о своей жизни: «с Алей (...) ходим на колодец „по воду”» [СС6, 549]. В январе 1925 г. жалуется: «Я – между плитой

(вода для стирки) и письменным столом, как сомнамбула, как мыслящий маятник» [СС6, 708]. После рождения сына бытовые проблемы усугубились: не было времени писать: «От примуса к Мурке, от Мурки за водой, от воды к уборке» [НСТ, 364]. Быт и творчество были строго разграничены: «Могу есть – грязными руками, спать – с грязными руками, писать с грязными руками – не могу. (В Сов<етской> России, когда не было воды, вылизывалась.)» [1922, НСТ, 122]; писать «разведенными чернилами, почти водой, – оскорбительно!» [1933, СС7, 384].

В произведениях бытовой аспект использования воды также присутствует: в *Каменном Ангеле* (1919): «Я к тебе не за водой,/ Не с бедой./ Доброй ночи пожелать/ Я пришла» [СС3, 420]. В *Царь-Девушке* (1920): «дружочка – дорогая/ Водой плещет, поливает,/ А он спит» [СС3, 212], или: «Вставал чтоб правую ногой,/ Чтоб мылся холодной водой» [СС3, 213]; в *Сибири* (1930): «Как молодички по воду –/ Молодчики – по корм» [СС3, 186].

5. Следующее значение связано с обозначением «географии» водного пространства. Так, Цветаева отсылает к значению лексемы «вода» как границе миров, упоминая Лету («Через летейски воды/ Протягиваю две руки» [СС1, 481]) и «воды Стикса» [СС3, 477]. Если рассматривать земные воды, то Цветаева обращается к водам «широкого Дона» (1929) [СС1, 572]; сравнивает грусть в груди с «Водой в Двине!» [СС3, 161]; подчеркивает «многоводность Кубани» [СС3, 170]; в поэме *Перекоп* упоминаются крымские воды: «В солонководных Сивашах» [СС3, 178]; в *Стихах к Чехии* (1938) – чешские воды: «Посерев от боли,/ Стонут Влтавы воды» [СС3, 347].

6. Обращает внимание мотив воды как символа, подтверждающего веру в ее мистическую/сакральную силу. В мифологии разных народов вода очищает, исцеляет, смывает грехи, лечит, дарит жизнь, стимулирует творчество и любовь. Юная Цветаева обращается с молитвой именно к морю, которое способно *успитить, залечить, растворить*, в этом можно усмотреть имевшее место представление о воде как очистительной силе: «Вечное море,/ В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!» [СС1, 148]. Цветаева обращается к образу живой или освященной воды, которая очищает от плохого сна (1920): «Дай-ка взбрызну да водицей морской!» [СС3, 211] или благословляет водой: «Морской водою пенною –/ На подвиги военные/ Младенчика крещу!» [СС3, 211]. Появляется образ мертвой воды, представляющей соблазн: «хлебнешь той воды – навек ожжет тебя женская слеза, через нее погибнешь» [НСТ, 168]. В *Егорушке* (1923): «Солона – из ран.../ Той воды не пей» [СС3, 170].

В 20-е гг. вода не очищает, а служит смертоносным символом: после расставания с Константином Родзевичем Цветаева пишет (1923): «Я потонула в мертвой воде» [НСТ, 262]. Здесь показательно стихотворение *Крестины* (1925), в котором внимание сосредоточено на воде, которая используется в ритуальных целях. Так, над крещеной водой совершаются некие действия: «Воды не перетеплил/ В чану, зазнобил (...) Тот поп, что меня крестил». Дела, на которые была крещена лирическая героиня «Водою неподогретою// Речною», представляют собой отречение от нормальной жизни, она крещена: «На вечный пыл/ В печи смоляной поэтовой» или: «на свыше сил/ Дела», которые «не вершимы женами». Опыт поэта – череда посвящений, поэтому «Все страсти водою комнатной// ...кажутся», или «Все яды – водой отварною// Мне чудятся», а слезы – «водою сахарной!» Итоговым посвящением является крещение «Водой исступленной Савловой». Цветаева за такого рода крещение ответственность возлагает на крещущего: это он должен заслужить прощение Бога: «Молись, чтоб тебя простил –/ Бог» [СС2, 252–253]. Неслучайно Анна Саакянц относит это стихотворение к разряду демонических, поскольку оно представляет собой воздаяние «тому, кто крестил Поэта на его бытие», гению, демону, «Князю Тьмы» [Саакянц 1999, 399].

Мертвая и живая вода появляется в эссе *Твоя смерть* (1927), где поэт пишет о доме, в котором кто-то умирает: этот дом тих и «мертвой водой полит по всем закоулкам», и о доме, где кто-то уже умер: этот дом громок, и он «живой – взбрызнут. Скланка с живой водой вдребезги, в каждом осколке, пусть ранящем – жизнь» [СС5, 192–193]. Цветаева своеобразно интерпретирует представления о мертвой и живой воде – мертвая должна исцелять, но не оживлять, оживляет живая вода³. В реальном мире оживление переносится на окружающих умершего людей, а не на него самого.

7. С периода революции и гражданской войны вода воспринимается Цветаевой как знак беды, гибели. В это время она испытывала апокалиптические настроения, писала (1918): «Мир окончится потопом» [СС1, 440], по этой же причине сравнивает: «Уровень воды./ Уровень беды» [НСТ, 246]. Что характерно, в воспоминаниях *Повесть о Сонечке* (1937) именно этот период приобретает «водную» оценку: «Все у нас говорят: революция... революция... (...), сразу вижу во-оду, и ничего кроме воды... Да ничего кроме воды по ней и нет...» [СС4, 369].

³ Ср. «Мертвая вода не сама мертва, а, делая тело целым, делает его целым мертвым, оставляет мертвым). Оживляет его живая вода. В этом смысле живая вода – то же, что „бессмертный напиток“» [Степанов 2004, 299].

На рубеже 10–20-х гг. звучит заклинание от самоубийства, утопления (1918): «Заклинаю тебя от (...) Воды под мостом» [СС1, 401–402]; поскольку «вода – любит концы./ Река – любит тела» [1923, СС2, 230]. В *Поэме Конца* (1924) расставание происходит на набережной, поэтому вода Влтавы кажется лирической героине единственной выходом, выходом в смерть: «И – набережная. Воды/ Держусь, как толщи плотной». В *Поэме Конца* вода однозначно соединяется со смертью: «Воды (стальная полоса/ Мертвецкого оттенка)» [СС3, 33], далее пражская Влтава преобразуется в Лету: «Во – да и твердь./ Выкладываю монеты./ День – га за смерть,/ Харонова мзда за Лету» [СС3, 40]. В конце 20-х и в 30-х гг. мотив воды-беды также присутствует (1927): «Вода льется, беда копится» [СС3, 635]; о нападении немецких войск на Чехословакию писала (1939): «Так вода подступает к окнам» [СС2, 355].

8. В русской картине мире вода сопрягается с понятием времени⁴, а также жизни, смысловой опорой сближения данных понятий является идея текучести. Сопоставление происходит по разным смысловым направлениям, вода соотносится с вечностью: Але пишет (1917): «А когда – когда-нибудь – как в воду/ И тебя потянет – в вечный путь» [СС1, 355]; жизнь соотносится с медленным течением воды (1926): «Вода текла – медленнее чем жизнь» [СС7, 97]; или с негативным опытом: «Вода льется, беда копится» [СС3, 635]; в *Стихах к Чехии* именно текучесть объединяет воду и жизнь: «Там растила сына я, / И текли – вода?! Дни?» [СС2, 348]. Поверхность воды метафоризирует внешнюю жизнь (1927): «Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь» [СС6, 363]. Для Цветаевой важно также осознать метафизику жизни, а затем ее метафоризировать (1920), отсюда душа сравнивается с камнем, который «в воду брошенный –/ Всё расширяющимися кругами», при этом жизнь соотносится с трагизмом и непредсказуемостью: «Та глубока – вода, и та темна – вода...» [СС1, 522]. В поэме *С моря* (1926) Цветаева предлагает «водную» метафору жизни, в которую поэт, как подчеркивает Ольга Ревзина, вкладывает «представление о бессмысленности и безнадежности человеческого существования», ведь «само явление жизни есть результат случайности» и «неудачи» [Ревзина 2009в, 183]: «Обмелевающее бессмертье –/ Жизнь». И уточняет: «Жизнь? Недохват воды// Надокеанской»

⁴ Стоит отметить, что вода у Цветаевой метафоризирует также и пространство, так даль – голубей воды [СС2, 302] или степи синих вод [СС3, 205]. Это значение в данной типологии не учтено, как не учтены такие маргинальные метафоризации как свойство материала: *Падающая вода/ Чадры* [СС2, 135] или зеркала: «в зеленоватой воде расветного зеркала» [СС4, 382].

[СС3, 112]. В воспоминаниях *Дом у старого Пимена* (1933) время имеет прямую отсылку к воде: на старой фотографии мальчики плещут «друг в друга недвижимой водою Леты» [СС5, 112].

9. Следующее значение акцентирует связь воды и проявление чувств, поэт задействует в смыслообразование как различные свойства воды, так и ассоциации, с ней связанные. Показательным примером можно назвать следующий: «Вода не может растворить больше. Таков закон. Вы – насыщенный мною раствор» [НЗК1, 186]. Кроме того, страсть Цветаева связывала с жаждой, на которую – «Нет воды» [СС3, 442]; понимание метфоризировала слиянием вод (1929): «Как река вливается в реку. Точка слияния вод – но оно никогда не бывает точкой» [СС5, 322]; о расставании писала (1932): «сделаю лишь один прыжок, как прыгают из лодки, заставляя ее плясать на воде» [СС5, 468]; о боли и горечи (1923): «Боль для меня сейчас уже колея, горечь уже – вода» [НСТ, 223]; об отношении к себе (1924): «Я никому не была нужна как вода» [НСТ, 319]; об особых отношениях (1933): «всегда слой – льда, под которым живая вода» [СС7, 243].

К этой группе можно отнести различные «водные» коннотации слез, так, Цветаева связывает слезы с целительными свойствами воды (1918): «Слезы, слезы – живая вода!» [СС1, 403]; факт слез не свидетельствует об искренности чувств (1922): «Не гляди, что слезы льются./ Вода – может статься!» [СС2, 111]; слезы так же очевидны, как льющаяся вода (1919): «Как воде не литься./ Рекам не струиться!» [СС3, 419]; слезы подчеркивают тщетность страданий (1920): «И слезы ей – вода, и кровь –/ Вода, – в крови, в слезах умылася!» [СС3, 546], или, наоборот, искренность чувств, как в *Поэме Конца* (1924): «Под ладонью –/ Слезы, а не дождь!» Настоящее чувство смысляет любые меркантильные мысли: «О каких еще соблазнах –/ Речь? Водой – имущество!» [СС3, 48]. В детских воспоминаниях (1935) Марина отряхивалась «от слез, как собака от воды» [СС5, 54]; в конце жизни (1940): «я от малейшего доброго слова – интонации – заливаюсь слезами, как скала водой водопада» [СС7, 687].

10. Вода своими свойствами сопрягается с речью, творчеством. В ранний период Цветаева свое имя соотносила с водой и простотой: «Ты меня никогда не ославишь./ Мое имя – вода для уст!» [1919, СС1, 480]; вода номинирует естественность и простоту в писании стихов (1921): «Пишу как пьют, – и не вино, а воду» [СС6, 213]. Чувство восхищения стихами сравнимо для Цветаевой с питьем воды, напишет об этом в *Пленном духе* (1934): «Восхищаться стихами – и не помочь поэту! Пить воду и давать источнику засоряться грязью» [СС4, 239]. Однако уже в середине 20-х гг. вода («темная») номинирует

недоброкачественную лирику: «Критик-дилетант – накипь на поверхности сомнительного котла (публики). Что в нем варится? Темная вода. Темна и накипь» [СС5, 291]. Слабые поэтические строки называла «поэтической „водой“», «мелью наития» [СС5, 370]. В 30-е гг. в эссе *Поэты с историей и поэты без истории* вода утрачивает положительную коннотацию: «В распространенной прозе, (...) должна быть вода (обмеление вдохновения)» [СС5, 386]. И хотя ахматовские строки Цветаева сравнивает с брошенным камнем, который вызывает, «подобно кругам на воде», богатую «россыпь широких ассоциаций» [СС5, 405], выражает горечь по поводу современной лирики: «словно (...) опаивают нас горькой, соленой, зеленой морской водой, а мы каждый раз верим, что это – питьевая вода. А она снова – горькая!» [СС5, 406]. Здесь же Цветаева излагает свои мысли о сути («стержне») лирики, используя «водную» метафорику. Лирика всегда оперирует вечными мотивами, новое в лирике – это возвращение «лирических волн при неизменной лирической сущности». Волна всегда возвращается, и она всегда иная: «С той же водой – другая волна», при этом апеллирование к вечным ценностям в настоящей поэзии должно быть неизменным: «какую бы иной она ни вернулась, она всегда вернется – *морской*» [СС5, 407]. По этой же причине слабую поэзию сравнивала с мертвой водой (1934): «эту мертвую воду немощи – в себя – с утра? В таком количестве?» [СС5, 438]; качественная лирика, напротив, обладает целительными свойствами живой воды: «То, что я сейчас делала – разводила водою живую воду поэзии» [СС5, 442].

11. Последнее из рассматриваемых функциональных значений лексемы воды – ее использование в описаниях и характеристиках близких и знакомых поэта. По словам О. Ревзиной, Цветаеву нельзя отнести к беспристрастным натуралистам, описывающим удивительные явления природного мира, поэтому ее «испытанное средство» – «метафора-олицетворение» «как способ стягивания „равнодушной“ природы в страсти, горести, и катаклизмы человеческого мира» [Ревзина 2009б, 299]. «Водные» метафоры также можно отнести к числу таких «природных» характеристик. Для Цветаевой, не принимавшей никакой формы общности, группа – это «мутная вода союзничества» [1922, НСТ, 160] или вообще – «стоячая вода» [1933, СС5, 120]; однако возможно и другое направление метафоризации – если для группы присуще отсутствие живого начала (воды): «ихнее безводье» [1930, СС2, 279].

Некоторым людям Цветаева давала «водные» характеристики, так, дочь и мужа (1919) считала существами водными и лунными (себя – огненной и солнечной) [НЗК2, 52]. В этом можно усмотреть влияние символизма, в котором обнаруживается «обилие соответствий между водой и лунным миром

(миром бессознательного и женского)» [Ханзен-Лёве 2003, 661]. Этот прием характерен для воспоминаний 30-х гг., так, любимого Константина Бальмонта описывала: «вода, ветер, солнце» [СС4, 56]; о нелюбимом Валерии Брюсове: «Любовь к своей стране он заменил любопытствованием (...) инфузорному кишению в капле воды» [1925, СС4, 62]; о подруге: «Это, в здешней скудости, моя живая вода – огневая вода!» [1925, СС6, 748]; о Саломее Андрониковой-Гальперн: «Воспоминание о Вас в этом сне, как о водоросли в воде: ее движения» [1932, СС7, 151]; Наталья Гончарова боялась воды и страстно любила море: «Старый страх, апокалипсический страх, крестьянский страх». Художница собиралась уехать в Америку, что Цветаева охарактеризовала: «Но в Америку (...), через (...) всю воду, всю бездну, все понятие воды», а также «через – и не воду даже, а собственный страх» [СС4, 105, 106]. О Пастернаке и Маяковском писала: «Идут за Маяковским и по Пастернака, как в неведомом месте по воду, (...), ощупью, наугад» [СС4, 377–378]. Вспоминала о музицировании матери, которая выходила из-за рояля «потерянная, как пловец из слишком долгой и бурной воды, никого и ничего не узнавая» [СС5, 27]. Показательна характеристика Анатолия Виноградова, героя эссе *Жених* (1933), о котором Цветаева писала, что он был потный, «точно каким-то подкожным потом, как бывает подпочвенная вода». Кроме того, «с водой он был связан целиком. Во-первых, глаза: совершенная вода без ничего, кроме первого впечатления честности. Честная голубая вода. Нестерпимо-честная. На вас глядели два честных пустых места; с такими глазами становятся пройдохами: «честные, как речная вода»⁵ [СС5, 180]. Во-вторых, «с водой жених еще был связан местом встречи: Окой». «Третья его связь с водой была баня», он почему-то всегда был в бане» [СС5, 181–182]. И если здесь герой воспоминаний приобретал ироническую «водную» характеристику, то «водная» самохарактеристика звучит трагически: с одной стороны, «все мои усилия в активной жизни – это усилия тонущего, не умеющего держаться на воде» [НЗК2, 346], а с другой, «я не в своей роли – скалы под водопадом: скалы, вместе с водопадом падающей на (совесть) человека» [1940, СС7, 687].

Итак, представленная типология функционирования мотива воды не исчерпывает всех особенностей реальных употреблений, но указывает на основные тенденции. В цветаевской картине мира вода становится важным

⁵ «Водные» характеристика глаз могут приобретать и позитивную окраску, ср. глаза Максимилиана Волошина: «две капли морской воды, в которой бы прожгли зрачок, (...) Не две капли морской воды, а две искры морского живого фосфора, две капли живой воды» [СС4, 162].

мотивом, к которому она обращается регулярно на разных этапах творчества. В раннем творчестве преобладают «природные» описания, в которых вода используется в своих словарных значениях (1). Водные эпитеты амбивалентны, указывают на происхождения и характер воды. Особым образом акцентируется поверхность воды (2), именно там наблюдается связь миров («встречаются» небо и земля), поверхность воды способна обманывать ожидания – там появляются звуки и явления, нарушающие представления о течении естественных процессов (вплоть до хождения по воде). Значения, акцентирующие питьевую и бытовую необходимость воды (3, 4), моделируют рефлексии о духовном и физическом, чувственном и нравственном начале человека. География водного пространства связана главным образом с историческими реалиями (5). Значения, связанные с верой в мистическую силу воды, появляются в раннем творчестве и активизируются в период 10-20-х гг. (6). В это же время усиливается «трагическая» коннотация воды – вода воспринимается как знак беды, актуализируются значения, связанные с мотивом смерти (утопления), трагедии, стихийного бедствия. Параллельно используется значение «текучести» воды, которое метафоризирует время и жизнь (8), проявление различных чувств (9). Особое место занимает метафоризация водой творческого процесса (10), а также использование «водных» характеристик в построении образов современников поэта (11). Таким образом, полисемантическая лексема «вода» позволяет создавать емкие художественные образы с использованием одного или нескольких значений. Вода, не утрачивая природной конкретности, становится одним из важных инструментов метафоризации процессов и явлений не только физического, но и духовного мира поэта. При сквозном мотивном анализе, представленном в настоящей статье, место данного мотива в индивидуальной картине мира поэта приобретает особую ясность и символично-архетипическую значимость.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вардзелашвили Жанетта. 2009. *Вода как образ языковой картины мира*. В: *Национально-культурный компонент в тексте и языке*. Ред. Баранова Н., Горлатов А., Прохорова С. Ч. 1. Минск: МГЛУ: 39–41.
- Дворяшина Нина, Галицкая Юлия. 2014. *Семантика водной стихии в поэзии М.И. Цветаевой*. В: *Мировая словесность для детей и о детях*. XIX Всероссийская научно-практическая конференция. Ярославль: ООО «Литера»: 41–49.
- Жадлун Маргарита. 2014. *Воплощение идеи «ВОДА – ВРЕМЯ» в поэзии М. Цветаевой*. В: *Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского*. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 27 (66), № 1, Ч. 1: 222–226.

- Кушнир Ксения. 2019. *Стихия «вода» и ее лексическая репрезентация в поэзии В.А. Солоухина.* «Неофилология» Т. 5, № 19: 275–281.
- Лаврова Елена. 1994. *Океан, море, Афродита, пена, раковина, жемчуг.* В: Лаврова Е. *Поэтическое мирозерцание М.И. Цветаевой.* Горловка: ГППИИЯ.
- Маслова Валентина. 2004. *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой.* Москва: Наука. Флинт.
- Ревзина Ольга. 2009а. *Личность поэта в зеркале его словаря.* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 257–285.
- Ревзина Ольга. 2009б. *О чем рассказывают поэтические метафоры.* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 286–306.
- Ревзина Ольга. 2009в. *Явное и скрытое в стихотворении «С моря».* В: Ревзина О. *Безмерная Цветаева.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой: 170–192.
- Саакянц Анна. 1999. *Марина Цветаева. Жизнь и творчество.* Москва: Эллис Лак.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* 2002. Москва: Международные отношения. (online) https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (доступ 01.07.2021).
- Степанов Юрий. 2004. *Константы: словарь русской культуры.* Москва: Академический проект.
- Турачина Неонила. 2012. *Стихии воды и огня в языковом сознании писателей-женщин.* В: «Наука. Искусство. Культура» № 1: 88–92.
- Хализев Валентин. 2007. *Теория литературы.* Москва: Высшая школа.
- Ханзен-Лёве Аге. 2003. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика.* Санкт-Петербург: Академический проект.
- Цветаева Марина. 1997. [НЗК]. *Неизданное. Записные книжки.* Т. 1–2. Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина. 1997. [НСТ]. *Неизданное. Сводные тетради.* Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина. 1994–1995. [СС]. *Собрание сочинений.* Т. 1–7. Москва: Эллис Лак.

REFERENCES

- Cvetaeva Marina. 1994–1995. [SS]. *Sobranie sočinenij* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Cvetaeva Marina. 1997. [NZK]. *Neizdannoe. Zapisnye knižki* [Unreleased. Notebooks]. Vol. 1–2. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Cvetaeva Marina. 1997. [NST]. *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unreleased. Summary notebooks]. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Dvorášina Nina, Galickaâ Ūliâ. 2014. *Semantika vodnoj stihii v poézii M. I. Cvetaevoj* [Semantics of the water element in the poetry of M. I. Tsvetaeva]. In: *Mirovaâ slovesnost' dlâ detej i o detâh, XIX Vserossijskaâ naučno-praktičeskaâ konferenciâ* [World literature for children and about children. XIX All-Russian scientific and practical conference]. Yaroslavl, ООО “Litera”, pp. 41–49. (In Russian)
- Halizev Valentin. 2007. *Teoriâ literatury* [Literary theory]. Moskva, Vysšaâ škola. (In Russian)
- Hanzen-Lève Age. 2003. *Russkij simvolizm. Sistema poètičeskikh motivov. Mifopoètičeskij simvolizm načala veka. Kosmičeskaâ simvolika* [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism in the beginning of the century. The cosmic symbolism]. Saint-Petersburg, Akademičeskij proekt. (In Russian)

- Kušnir Kseniâ. 2019. *Stihiâ "voda" i ee leksičeskaâ reprezentaciâ v poëzii V.A. Solouhina* [The element "water" and its lexical representation in the poetry of V.A. Soloukhin]. "Neofilologiâ" Vol. 5, no 19, pp. 275–281. (In Russian)
- Lavrova Elena. 1994. *Okean, more, Afrodita, pena, rakovina, žemčug* [Ocean, sea, Aphrodite, foam, shell, pearls]. In: Lavrova E. *Poëtičeskoe mirosozercanie M.I. Cvetaevoj* [The poetic worldview of M. I. Tsvetaeva]. Gorlovka, GGPIIÂ. (In Russian)
- Maslova Valentina. 2004. *Poët i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj* [Poet and Culture: Marina Tsvetaeva's Concept Sphere]. Moscow, Nauka. Flint. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009a. *Ličnost' poëta v zerkale ego slovarâ* [The poet's personality in the mirror of his dictionary]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 257–285. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009b. *O čem rasskazyvaüt poëtičeskie metafory* [What poetic metaphors tell us about]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 286–306. (In Russian)
- Revzina Ol'ga. 2009v. *Avnoe i skrytoe v stihotvorenii "S morâ"* [Explicit and hidden in the poem "From the Sea"]. In: Revzina O. *Bezmeriâ Cvetaeva* [Immeasurable Tsvetaeva]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, pp. 170–192. (In Russian)
- Saakânc Anna. 1999. *Marina Cvetaeva. Žizn' i tvorčestvo* [Marina Tsvetaeva. The life and work]. Moscow, Èllis Lak. (In Russian)
- Slavânskaâ mifologiâ. Ènciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2002. Moscow, Meždunarodnye otnošeniâ Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (Accessed 01 July 2021). (In Russian)
- Stepanov Ūrij. 2004. *Konstanty: slovar' russoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademičeskij projekt. (In Russian)
- Turanina Neonila. 2012. *Stihii vody i ognâ v âzykovom soznanii pisatelej-ženšin* [The elements of water and fire in the linguistic consciousness of female writers]. "Nauka. Iskusstvo. Kul'tura" no 1, pp. 88–92. (In Russian)
- Vardzelašvili Žanetta. 2009. *Voda kak obraz âzykovoj kartiny mira* [Water as an image of the linguistic picture of the world]. In: *Nacional'no-kul'turnyj komponent v tekste i âzyke*. [The national-cultural component in the text and language]. Eds Baranova N., Gorlatov A., Prohorova S. Vol. 1. Minsk, MGLU, pp. 39–41. (In Russian)
- Žadlun Margarita. 2014. *Voplošenie idei "VODA – VREMÂ" v poëzii M. Cvetaevoj* [The embodiment of the idea of "WATER – TIME" in the poetry of M. Tsvetaeva]. In: "Učenyje zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta im. V. Vernadskogo". Seriâ "Filologiâ. Social'nye kommunikacii" [Scientific notes of the Tauride National University named after V. Vernadsky. The series "Philology. Social communications"]. Vol. 27 (66), no 1, pp. 222–226. (In Russian)